Скрипка неизвестного мастера

Автор:
Нина Дашевская

Скрипка неизвестного мастера

Нина Сергеевна Дашевская

В день своего десятилетия Кешка получает неожиданный подарок от дедушки из Америки – скрипку! Кешка и предположить не мог, сколько всего появится в его жизни вместе с этим внезапным наследством. Совсем как в любимых книгах! Новые знакомства, подвиги, приключения и настоящая тайна – история скрипичного мастера и братьев-музыкантов. И, конечно же, – музыка, без которой всего этого бы не произошло.

Повесть «Скрипка неизвестного мастера» – лауреат Всероссийского конкурса на лучшее произведение для детей и подростков «Книгуру» в 2013 году.

Для среднего и старшего школьного возраста.

Иллюстрации Екатерины Казейкиной

Нина Дашевская

Скрипка неизвестного мастера

© Н.С. Дашевская, текст 2020

© Е.В. Казейкина, иллюстрации 2020

© «Детское время» 2020

* * *

I. Тигр

– Выключи! – резко сказал Кешка.

Грубо вышло, конечно. Как-то по-хамски даже. Но они тоже хороши – знают ведь, что Кешка музыку терпеть не может! Ненавидит. Кому это вообще нужно – концерты их, симфонии… Только тишину нарушают, и больше ничего. Никаких таких бахов-бетховенов Кешка не потерпит. Потому что музыке он объявил войну. Непримиримую и беспощадную.

Оркестр за стенкой захлебнулся вступлением и тут же сменился яростными криками болельщиков – мама переключила телевизор на какой-то спорт.

Только не подумайте, что Кешка лупит тех, кто в музыкальную школу бегает. С папочкой под мышкой. Нет, эти-то как раз не виноваты, их жалко даже. Это их родителям напели: «Ах, у вашего мальчика слух, способности!» Вот они и попались, глупые уклейки. А потом – всё, на крючке. Попробуй соскочи – сразу начнётся: «А ты знаешь, за сколько мы тебе пианино купили?» Ну, или ещё какая-нибудь глупость в этом роде. А уж если окажется, что талант – то всё. Труба!

Кешка тоже чуть не попался. Тогда он ещё в детский сад ходил, и к ним пришли эти самые способности проверять. У него слух какой-то там обнаружили особенный… Только это всё ерунда, чушь в клеточку! И слуха у него никакого нет, ясно?!

Тогда ещё у Кешки был друг. Настоящий.

А теперь – нет.

Папа, смеясь, называл их «сиамскими близнецами». Почему-то везде они оказывались вместе – ещё с детского сада. Кешка даже иногда думал про себя не «я», а «мы». Мы с Тигром. Нет, это не прозвище. Такое имя – Тигр.

Вообще в Кешкином дворе подобралась приличная компания: братья Мельники, Егорка Чижов, Прохор, мушкетёр Арсений… то есть это Кешка его так называл про себя, чем-то он был похож на мушкетёра. Но ни у кого не было такого друга, как Тигр. Все знали: если футбол, или в шпионов, или ещё во что – Кешка с Тигром в одной команде. Близнецы Мельники могут в разных, а эти – нет. «Нечётное на два не делится», – шутил про них Арсений.

Кешка валялся на диване, ногами на спинке, и вспоминал – как, например, он болел, а Тигр запускал ему в форточку самолётики. То есть сначала все пускали, но потом надоело – шутка ли, попасть в форточку на втором этаже! А Тигру – нет, не надоело. И вечером самолётик, белый в клеточку, всё-таки опустился на Кешкин стол.

А ещё как-то Кешке к зубному надо было, и он не мог к Арсению пойти на день рожденья. И Тигр тогда тоже не пошёл! Сидел в этой дурацкой поликлинике, ждал Кешку. И потом они отправились к мушкетёру Арсению вместе, и Кешке нельзя было ничего есть, и Тигр тоже не ел. Даже торт!

А ещё… А ещё Тигр сказал, что Арсению нужно подарить мушкетёра. Ну, это раньше было – когда ему подарок выбирали на день рожденья.

– Давай знаешь чего? Мушкетёра ему такого купим, а?

Кешка засмеялся.

– Кеныч, ты что?! Ну, чего смешного? Я в книжном видел. Нормальный такой мушкетёр – я б такого хотел.

А Кешка просто никогда не говорил Тигру, что Арсений на мушкетёра похож. У папы такой рисунок на столе стоит – он сам рисовал, папа. В детстве. Мушкетёра этого. Вылитый Арсений! А Тигр-то откуда знает?!

В общем, они дружили уже лет сто. А потом Тигр пошёл в музыкальную школу.

Сначала как будто ничего не случилось. Ну, занят человек – Кешка тоже был занят: шахматы по пятницам и плавание дважды в неделю. Это понятно, это у всех так. Тигр перестал играть вечерами в футбол – и ладно, всё равно играл так себе. Тоже понятно – надо заниматься. Хотя не очень ясно, зачем ещё заниматься, если и так торчишь в этой музыкальной школе с утра до вечера…

Тигр по-прежнему был другом. Хорошим другом. Иногда даже давал носить виолончель…

А потом солнечным апрельским днём случилась эта история с пушкарями.

II. Пушкари

Кешка тогда после шахмат пошёл не домой, а в парк, на дерево. Дерево было примечательное – Кешка почему-то считал, что это вяз. Садишься на толстый сук – спиной к стволу, лучше всякого кресла. И для сумки сучок, как вешалка. Будто нарочно. Мечта, а не место. А внизу, прямо под Кешкой, тропинка. По ней люди идут – прямо под его подошвами. И никому в голову не приходит вверх посмотреть. Так что Кешку никто ни разу не заметил.

Там можно было сидеть вдвоём, Кешка с Тигром нередко так и сидели. Но в тот солнечный день Кешка был один. С книжкой. О, это была особенная книжка – с папиной полки. Дома была одна такая полка, с любимыми книжками папиного детства. Эти книжки строго-настрого запрещалось выносить из дома, после того как «Таинственный остров» пропал неизвестно куда. Кешка здесь ни при чём, он тогда ещё маленький был. Но вот жирные пятна на «Карлсоне» – да, это Кешкиных рук дело. Ну и влетело же ему тогда! «И вообще, что за привычка дурацкая, за столом читать!» Хотя Кешка прекрасно видел, что папа и сам так читает – «вприкуску», как он говорит. Да ещё ночью! С бутербродами… Вот вечно взрослым можно всякие прекрасные вещи, а детей почему-то гонят спать. Так вот, после пятна на «Карлсоне» папа запретил Кешке брать любые книги с этой полки. «Без моего письменного разрешения». А попробуй-ка получи это разрешение – тебе рано, говорит! Почему ещё рано?! Папа странный, конечно. Жалко ему, что ли? В общем, папина полка была очень высоко, под самым потолком. Кешка ставил пластмассовый ящик из-под игрушек на табуретку и доставал. Потом другие книжки распределял, чтобы щели не оставалось. А то как зуб выбитый. Ну, и потом добытую книгу заворачивал в какую-нибудь суперобложку. Получалось – он как будто читает про драконов там всяких, про динозавров… И ни разу ещё папа не поймал его! Правда, однажды ящик из-под игрушек предательски разъехался под ним, и Кешка разбил губу. Но сейчас он нормально достаёт до полки, безо всякого ящика. Почти всю полку уже прочитал.

Так вот, на этот раз Кешка сидел на этом вязе с Жюль Верном и бутербродом. Он раскрыл книгу и откусил кусок побольше…

– Эй, слазь давай!

Этого только не хватало – пушкари! Они жили за школой, на улице Пушкина, и Кешкина компания вела с ними довольно вялую войну. Даже не дрались толком ни разу – так, кричали друг другу всякие гадости, писали ерунду на стенах.

Вообще Кешка пушкарей не боялся. Он лениво перевернул страницу, даже не посмотрел вниз.

– Слезай! Это наше дерево!

А вот это уже неприятно – среди пушкарей оказался Герцель. Длинный, нескладный парень, он немного косил на один глаз. Кешка никогда не мог понять, куда он смотрит. Лёшка Мельник говорил, что Герцель этот немного не в себе, псих.

Кешка захлопнул книгу.

– Чего вам надо, а? Я же первый пришёл, давайте, катитесь отсюда колбаской!

– Ты, что ли, не понял?! Слазь, а то за ноги стащим!

Опять Герцель. Действительно, псих. Такой и вправду может за ноги…

– Нечестно – пятеро на одного, – засопел Кешка, упихивая книгу в сумку.

– Потому что наше дерево, – упрямо сказал какой-то малыш из пушкарей.

– А вот и всё равно наше, – пробормотал Кешка и спрыгнул вниз. Нечестно. Пушкари – так, мелкота, но вот Герцель… Этот оказался на голову выше, да и глаза какие-то сумасшедшие. Неожиданно он схватил Кешку за воротник и заорал прямо в ухо:

– Самый честный типа, да? Значит, по-честному хочешь?! Ну-ну. Давай, приводи своих дурачков. Решим, чьё дерево. Давно пора, – одним глазом он смотрел как-то мимо Кешки, от этого было жутко. – Придёшь? Или слабо?

У Кешки вспыхнули уши.

– Ещё чего… Больно страшные, от горшка два вершка, – он старался не глядеть на Герцеля. – Давай через час, на этом же месте.

– Идёт, – сказал Герцель. – Скажи спасибо, что я такой сговорчивый.

И Кешка помчался. Страха не было. Он никогда ещё не дрался по-настоящему. Как это, интересно?! Папа рассказывал – вот они дрались… «Нежное поколение», – говорил он про Кешку. Ну-ну. Сейчас собрать всех – Тигра, обоих Мельников, здоровенного Прохора, мушкетёра Арсения, Егорку – ну, они им покажут! Они у них попляшут – эти пушкари недобитые…

Кешка с пылающими ушами влетел во двор. Пусто… Нет, не может быть! – он сначала даже не поверил. Помчался за дом, в соседний двор – пусто! В футбольной коробке – тишина… Куда же они делись, умерли, что ли, все?!

Кешка помчался по квартирам – собирать людей. Но где-то в животе уже шевелилось холодным червяком нехорошее предчувствие.

Ну да, у братьев Мельников никого нет дома. Куда вот они подевались? Прохора вообще заперли, наказали. (Сумасшедшая мамаша Прохорова – разве можно живого человека в доме запирать! А вдруг пожар?) Арсений тоже выступил – они с классом пошли в цирк. Это же надо, в цирк!

К Егорке Кешка уже не пошёл. Толку от него, щуплого маленького очкарика… Он, конечно, отчаянный, только побьют его, да и всё. Кешка понял – к пушкарям пойдут они с Тигром. Вдвоём.

Только бы Тигр оказался дома…

А, так вот же он сам – выходит из подъезда!

Кешка бросился к нему:

– Ох, Тигр! А я уж испугался, что тебя нет… Никого нет! Как хорошо, что ты… Ты мне нужен ужасно! Пойдём! Знаешь…

Но Тигр перебил его:

– Я, Кеныч, не могу сейчас. У меня сольфеджио. Давай потом, ладно? Ты чего такой – случилось что?

Земля, всегда такая надёжная, вдруг поплыла под Кешкиными ногами.

– Да нет, ничего не случилось… Ты иди на своё сольфеджио… Иди-иди!

– Кешка, ты чего?!

– А ничего! Ты иди, раз тебе так надо… Раз у тебя это, сольфеджио… И Тигр обиделся. Развернулся и ушёл со своей зелёной папочкой. Если бы Кешка только объяснил ему… Но… Друг, называется!

Он даже не стал ничего спрашивать! Он же сразу – сольфеджио! Фу, слово-то какое мерзкое. Что можно объяснить человеку, у которого сольфеджио!

А ведь должен был сразу понять, что да – случилось, что нужен, что… Ведь он раньше угадывал, всегда! А тут – не понял. Ничего он не понял.

И как же раньше Кешка не замечал! Ведь это уже давно – Тигр-то уже как бы и не с ним! Всё из-за этой музыки своей. «Мне, Кеш, заниматься надо». Вечно ему – заниматься. Тоже, великий музыкант нашёлся. И даже на уроках – он не слышит Кешку, не замечает! Всё о музыке своей, наверно, думает. Не видит, что у них с Кешкой ответы не совпадают. Не совпадают!

Весь вечер Кешка провёл на дереве, с Лёвкой Герцем. Он оказался очень даже ничего, этот Герцель – тоже растерял всех своих бойцов, пришёл один. Малышей разогнал по домам. Непонятное «Герцель» оказалось просто от фамилии, от Герца. Выпросил у Кешки «Капитана Немо» – книжки Лёвка любит, а мама ему не разрешает читать, из-за глаз. Ещё Лёвка рассказал, что у него отец – профессор, почему-то уехал в Голландию и там преподаёт математику. Но уж это он загнул, конечно. Лёшка Мельник говорил, что у Герцеля и отца-то никакого вообще нет.

Всё равно хороший парень оказался этот Лёвка Герц, хотя и сочиняет много. Здорово, что они подружились.

Только никто и никогда не заменит Кешке Тигра. Уж лучше бы Кешку сегодня побили…

Он шёл к музыкальной школе. Уроки давно закончились. Огромные пустые окна, гулкая тишина. Кешка поднял с земли небольшой гладкий булыжник.

Зазвенело, брызнуло стекло. Кешка ждал – завоет сигнализация, прибежит сторож, поднимется шум. Нет, ничего не случилось – в маленьком скверике рядом со школой ни души. В свете фонаря смотрела на Кешку из аккуратного чёрного треугольника тишина.

Легче не стало. Возле самого дома Кешка аккуратно наступил в лужу и, хлюпая мокрым ботинком, зашёл в подъезд.

III. Дедушка

А через неделю у Кешки был день рождения. Он так его ждал, так хотелось праздника! Но день почему-то оказался не праздничный, а какой-то обыкновенный. Кешка ходил хмурый и злился непонятно на что.

Заскочил Тигр, подарил «Таинственный остров» в дурацкой обложке. Кешка рассказывал ему, конечно, эту историю с пропавшей папиной книгой. Выходит, Тигр запомнил! Кешка кивнул, подержал подарок в руках и равнодушно поставил на полку. Тигр всё понял и довольно быстро ушёл.

Были и другие ребята, Арсений всё пытался Кешку растормошить, но Кешка засел в углу с Егоркой за шахматами и даже с каким-то удовольствием впервые в жизни ему проиграл. Разошлись рано.

– Не заболел? Чего ты скучный такой? – спросила мама.

Кешка помотал головой, мол, и сам не знаю, праздник, а грустно.

– Взрослеешь, – вздохнул папа и потрепал Кешку по макушке.

А мама как-то странно посмотрела на него и вдруг спросила:

– Кешка, а ты помнишь дедушку Иннокентия Михалыча?

Кешка кивнул.

Он родился, когда деду исполнилось шестьдесят – день в день. И тогда дедушка стал Иннокентием Михалычем-старшим, а Кешка – младшим, у них даже отчество совпало. Он был не родной Кешкин дед – какой-то мамин дядя. Но мама его очень любила, и Кешка тоже. Хотя они виделись очень давно – Кешка ещё маленький был. Помнил, как дедушка учил его играть в шахматы. Особенные, дедушкины – вырезанные из какого-то необыкновенного дерева, и у каждой фигурки своё личико, даже у пешек. Кешке-маленькому очень нравилось складывать их специальным способом, чтобы ящичек закрывался. Дедушка показал один раз – и Кеша сразу запомнил, как надо. Ему тогда лет пять было… А потом Иннокентий Михалыч уехал в Америку.

Кешка почти совсем не помнил его лица, только круглые очки и маленькую бороду, тоже круглую. Он ждал, что дед когда-нибудь вернётся. Что они познакомятся поближе. Но не дождался – Иннокентий Михалыч умер в Америке два года назад.

Неудивительно, что мама про него спросила. Ведь у него тоже сегодня день рождения!

Но почему же она так волнуется, и папа тоже?

– Так вот, Кеша, дедушка оставил тебе наследство. Ты знаешь, у него много было родственников. Но эту вещь он завещал именно тебе – Иннокентию

Михайловичу-младшему, когда ему исполнится десять лет. Это большая ценность, ты её береги. Ну вот – теперь она твоя!

Вот это да! Наследство из Америки… Ну и дедушка! Что же это может быть? Неужели шахматы, волшебные живые шахматы?! Конечно! И они будут его, Кешкины, насовсем?! Вот это дед! Умница, догадался!

А папа уже раскрывал старый, потёртый футляр очень странной формы… Кешка оторопел. Он даже не понял сначала, что это. «Это не шахматы, не шахматы», – тупо стучало у него в голове. А папа уже как-то неловко разворачивал из тёплого шерстяного платка…

Кешка замер. Пересохло горло, руки и ноги сделались чужими, деревянными. Да этого просто быть не могло! Завёрнутый в одеяло уродец – ни ручек, ни ножек, – щурил на него щёлочки-глазки: «Ага, попался!»

Скрипка, вот же чёрт. Скрипка.

– Это очень дорогая вещь, сынок. Береги… Не знаю, почему дед выбрал именно тебя. Может, потому, что вы с ним так похожи… Он сам играл на скрипке с десяти лет. А хочешь, научим и тебя? Пойдёшь в музыкальную школу, вместе с Тигром, – как-то неуверенно предложила мама.

И тут Кешку снесло, прорвало, закрутило:

– Нет, нет, нет, нет! Нет! Нет! Не-е-е-ет! Никогда, никогда!

Он молнией вылетел из комнаты, заперся в ванной. И долго-долго глядел на воду, утекающую в чёрную пустоту. «Дедушка, дедушка, милый Иннокентий Михалыч-старший, и ты тоже! Как же ты мог?!»

Ни мама, ни папа о скрипке больше не заговаривали. Старинный футляр был сослан пылиться на шкаф, подальше от глаз.

С Тигром Кешка по-прежнему сидел за одной партой. Хотя они почти не разговаривали друг с другом. Как-то не о чем было говорить…

Однажды Тигр выступал на каком-то концерте, пригласил и Кешку. Пришлось соврать: голова болит, – не пошёл. Тигр всё понял и на концерты больше не звал.

Зелёная итальянская тетрадь

1. Подарок старого мастера

– Вы звали меня, учитель?

– Да, Винченцо, я рад тебе – садись.

Винченцо присел на край табурета, сложив на коленях свои большие руки – казалось, даже слишком большие для его небольшого роста. В мастерской пахло смолой, рыбьим клеем, и – самый лучший, волшебный запах! – деревом.

– Моё время на исходе, Винченцо, – старый мастер говорил тяжело, как человек, не привыкший к пустым разговорам. – Руки ещё служат, но зрение постепенно покидает меня. Этот инструмент, – он кивнул на кусок дерева, в котором лишь посвящённый мог разглядеть очертания будущей скрипки, – этот инструмент будет последним.

– Что вы, учитель! – Винченцо вскочил было с места, но старый мастер жестом остановил его.

– Мне не нужна ни твоя учтивость, ни твоё сочувствие. Я говорю то, что знаю наверняка. Скоро налетят наследнички и растащат мастерскую до последней щепки. Что ж, они, пожалуй, не будут жить подаянием, – мастер усмехнулся. – Только ни один из моих сыновей не станет настоящим мастером. Джакомо, единственный, у кого есть руки – бездельник; а остальные так и не научились толком работать с деревом, – разве что топором махать… Лучший мой ученик – ты, Винченцо, и я хотел бы подарить тебе кое-что.

– Мне не нужно подарков, учитель! Я и так в неоплатном долгу перед вами…

– Не спеши отказываться. Узнай сперва, о чём речь. У меня осталось дерево – прекрасное, славное дерево, – старый мастер достал с верхней полки ладные еловые дощечки. Резонансная ель – тот редкий, единственный сорт, что идёт на верхнюю деку скрипки. Мастер щёлкнул по дереву – и оно отозвалось легко, звонко.

– Хор ангелов! То что нужно, – мастер кивнул. – Отличное дерево, только сырое. Его нужно выдержать. Так что меня оно вряд ли дождётся. А жаль – выйдет отличный инструмент…

– Вы сделаете его, учитель!

– Не горячись, Винченцо. Пусть это дерево будет моим свадебным подарком.

– Откуда вы знаете?!

– Я многое знаю, мой мальчик. И твоя скорая женитьба не секрет для меня. Что ж, я одобряю твой выбор… Только работай, работай как можно больше! Работай с умом и терпением, главное – не спеши. У тебя отличные руки, слух – великолепный, голова на месте… И ещё – никогда не жалей себя. Не береги – вкладывай в каждый инструмент своё сердце…

Когда Винченцо возвращался домой, на небе уже зажглись первые звёзды. Прямо над его головой – созвездие Близнецов, две звезды: Кастор и Поллукс. Два брата, неразлучные на земле, а теперь и на небе. Винченцо жадно вдохнул холодный зимний воздух, погладил под мешковиной драгоценный подарок – резонансную ель, особое скрипичное дерево. Жаль было старого мастера; но он прожил большую, славную жизнь. А у него, Винченцо, всё впереди! У него есть ремесло, которое прокормит его. А может быть, даже принесёт славу и богатство. Но главное – всего через неделю прекрасная Бьянка станет его женой!.. Дерево, которое он нёс домой, казалось ему лёгким-лёгким, почти невесомым.

IV. Таня

В Кешкином классе появилась Таня Соловьёва. Просто Таня. Она вместе с Тигром училась в музыкальной школе, их и посадили за одну парту. И Кешке от Тигра осталось только утреннее «Привет!».

Тигр теперь всегда был с Таней. Нет, он не таскал за ней портфель и не провожал домой, но у них образовалось как будто тайное общество – они без конца болтали о какой-то своей ерунде. О какой-то страшной Бемолихе, о таинственном девятнадцатом классе. О том, в конце концов, как они ездили на фестиваль в Новгород. То ли в Нижний, то ли в простой, Кешка не разобрался. Одни, без родителей!

И ещё поедут, летом. Ну и пусть себе едут! Больно надо. Кешка вон тоже, может, поедет. На олимпиаду какую-нибудь, по математике. Бывают же такие олимпиады, чтобы ехать куда-нибудь!

Он остался совсем один со своими книжками. Давно забросил и плавание, и шахматы. Валялся целыми днями на диване и читал, читал… Или, когда мама выгоняла на улицу, просто шатался по городу. Конечно, он по-прежнему дружил с братьями Мельниками, Арсением, Прохором и Егоркой. Но всё равно Кешка предпочитал болтаться по улицам в одиночестве. И на переменах сидеть на подоконнике одному. И поглядывать на «общество двух “Т”», как он их про себя называл. И жалеть, что в этом обществе нет места для него, для Кешки!

И дело было не только в Тигре. Таня… Да нет, Таня как Таня. Просто она хороший парень, Таня, это Кешка сразу понял.

А с Лёвкой Герцем Кешка почти перестал видеться. Герцель перешёл в другую школу. Между прочим, не просто так. Что-то он не поладил с одним учителем, говорили – Лёвка даже ударил его. Кешка сначала думал, что это ерунда –

Герцель хотя и псих, но не до такой же степени!..

Это Кешка так думал, пока этот самый учитель не начал вести у них математику.

Прозвище у него было так себе – Шуруп. Математику Кешка любил, а вот Шурупа этого… Шуруп, между прочим, тоже любил свой предмет, но, по собственному признанию, не выносил человеческую тупость. И под его тяжёлым взглядом многие даже толковые ребята терялись, переставали соображать. Тогда уж Шуруп не знал жалости…

Говорили, что Герцель ушёл именно из-за него. Что будто бы Шуруп его довёл до бешенства, и Герцель не сдержался – ткнул математика кулаком в подбородок. Вот и пришлось другую школу искать. Кешка поначалу не очень-то в это верил, а сам Герцель отмалчивался. Но после первых же уроков Кешка подумал, что он и сам бы ему заехал, этому Шурупу. Причём с удовольствием. «Инквизитор какой-то», – говорил про него Егорка Чижов.

Кстати, маленький Егорка совсем не дурак. Он на олимпиаде по английскому третье место занял, на городской. Бабочек собирал, знал, как они по-латыни называются. И с математикой у него было неплохо… До тех пор, пока не появился Шуруп. От одного его взгляда Егор терял способность говорить, да и соображать, кажется, тоже.

В очередное октябрьское утро Шуруп вновь вызвал Егорку Чижова к доске. Егор, белый, как крыло бабочки-капустницы, на негнущихся ногах пошёл к доске. Шуруп рявкнул на него, и Егор начал писать полнейшую околесицу. Кешка даже за голову схватился. Как же он может такое – Егорка, умница, как же он не видит – знаки перепутал… А он, Кешка, сидит здесь и ничего, совсем ничего не может сделать!

– Уникальная тупость! – наседал Шуруп, как бы ввинчивая свой длинный корявый палец в несчастного Егорку. (Этому жесту Шуруп и был обязан своим прозвищем.) – Ты же плюс от минуса отличить не можешь!

Егорка бросил писать. Сжал губы и крошил белыми пальцами мел. Очки у него запотели. А Шуруп не отставал:

– Запущенная форма кретинизма… Да таким, как ты, вообще не место в нормальной школе!

И тут Кешка не выдержал:

– Это вам не место в нашей школе!

Шуруп осёкся и уставился рыбьими глазами на класс:

– Кто… Кто сказал? – хрипло прорычал он.

Отступать было некуда.

– Я, – сказал Кешка громче и уверенней.

– Повтори!

Кешка посмотрел на трясущегося Егорку – и повторил внятно, отчётливо:

– Я сказал, что вам не место в нашей школе!

– Та-а-ак, приехали… – как-то прорычал Шуруп. Кешке стало холодно в животе. – Уж от кого не ожидал… Вон из класса, и без родителей чтобы я тебя не видел!

В звенящей тишине Кешка молча собрал свои вещи и пошёл к выходу. Чего теперь будет-то, а? Неужели выгонят из школы, как Герца? И вдруг он услышал негромкий голос Тигра:

– Я, наверное, тоже выйду. Потому что я с Кешкой полностью согласен!

За дверь они вышли вместе. «Тоже мне, герой! Примазывается…» – подумал было Кешка… и тут же понял, что Тигр, пожалуй, и вправду герой. Кешка родителям всё может объяснить, они поймут, а вот у Тигра… И никто не будет ни в чём разбираться. Нахамили учителю!

Да-а-а, а Тигру-то ведь достанется. Ему ещё и трояк по математике светит в четверти… А он молодец! Не тюфяк какой-нибудь.

Они молчали, не глядя друг на друга. И тут из класса вылетела Таня!

– А ты-то чего, сумасшедшая?! – напустился на неё Тигр, но было видно, что он рад. – Ты же новенькая…

– Ну и пускай новенькая! А вы чего скисли? Пойдём к директору!

– К-куда?! – не понял Кешка. – Это ты, наверное, ещё не знаешь нашего директора…

– Тем более! Вы хотите, чтобы Шуруп первым туда пришёл?! Вы чего как в воду опущенные, вы же правильно всё сделали!

Кешка никогда ещё не был в кабинете Веры Леонтьевны. Братья Мельники когда-то загремели туда по серьёзному поводу – вылезли в окно по пожарной лестнице на крышу. Лёшка ещё ничего, а вот Петька с тех пор боялся Веры Леонтьевны как огня.

Кешка трусил порядочно. Что они скажут, да и кто их станет слушать?!

Но говорить не пришлось, всё сказала Таня Соловьёва. И как сказала! «Унижает человеческое достоинство учеников; лексика, которую он использует…» – Тигр с Кешкой переглянулись: ну, Таня! Ничего себе – «лексика»!

Вера Леонтьевна сняла очки. И Кешка вдруг впервые подумал, что у неё, кажется, есть внук, и для него она не директор, а просто бабушка Вера…

– Да, молодые люди… Что же вы мне теперь предлагаете – просто взять и выгнать человека? И потом, думаете, так легко найти учителя?..

– Лучше вообще никакого учителя, чем такой, – неожиданно для самого себя брякнул Кешка. Тигр наступил ему на ногу и тут же заступился:

– А вот Кеша Марков у нас по математике самый лучший…

– Да знаю я вашего Кешу, – отмахнулась Вера Леонтьевна.

Неужели и правда знает?! Кешка поспешил добавить:

– Понимаете, у меня это любимый предмет. Мне же просто за математику обидно!

– А не слишком вы строги к нему, ребята? Он же замечательный специалист, у него даже научные труды опубликованы!

И тут Тигр опять угадал – сказал то, о чём Кешка давно думал:

– Он, понимаете, свою математику любит, а нас – терпеть не может!

– А Егора Чижова вы тоже знаете? – спросила вдруг Таня.

– Конечно, – кивнула Вера Леонтьевна. – Олимпиада по английскому языку, и ещё двери разбил в столовую!

Вот это да! Действительно – всё про всех знает! Правда, двери – это не он, это скорее им разбили…

– Так вот, он нашего Егора кретином обозвал! При всех! – вдруг выпалил Тигр.

Тут дверь скрипнула, и в кабинет ввалился сам Шуруп. Лицо у него было в красных пятнах. Но, как только он увидел ребят, пятна вдруг перекрасились в

белые, прямо как в мультиках.

– Значит, так? – сказал он каким-то не своим голосом.

– Выходит, так, – ответила Вера Леонтьевна и попросила ребят подождать за дверью.

В коридоре Тигр вдруг прошептал:

– Получается, наябедничали?

– Да ты что, ты Егорку вспомни! А как он на Прохора вчера орал?! Правильно всё! – ответила Таня.

А Кешке вдруг стало как-то не по себе… Действительно, выходит – наябедничали…

Завершилась эта история вот как: Шуруп подал заявление об уходе. На ребят смотрели, как на героев. Вроде бы победа! Только почему же у Кешки осталось такое чувство, будто съел гадость? И никак, никак не можешь избавиться от этого привкуса, чем ни запивай… Шуруп, конечно, порядочная свинья и сам виноват. Но…

– Знаешь, – сказал как-то Тигр, – ведь ему тоже было плохо. Он ведь в школе… ну, не на своём месте был. Так что… Может, он теперь наукой займётся. Может, ему так лучше, ты как думаешь, Кеныч, а?

Выходит, он тоже переживает. И Кешка почувствовал, как между ними будто протянулась тоненькая ниточка… И он не дышал, боялся слово лишнее сказать – только бы не порвалась!

Вечером после этого разговора Кешка достал наконец с полки «Таинственный остров» – подарок Тигра. Открыл посмотреть – и заглотил сразу же полкниги! Пока папа не выключил свет. А потом папа ещё посмотрел на обложку, покачал головой и вывинтил Кешкину лампочку. «Извини, брат, не доверяю – а ночью

молодому организму хорошо бы спать!»

Кешка лежал в темноте и думал о Тигре. «Интересно, а он сейчас думает обо мне?»

V. Первый снег

Наступила зима. Наступила очень быстро, в один день. И день этот, первый зимний, оказался для Кешки особенным. Можно сказать, перетряхнул, перелопатил всю его предыдущую жизнь.

А он ведь с самого утра почувствовал – что-то произойдёт! Что-то очень важное и, наверное, хорошее. Потому что выпал первый снег! И не просто выпал, а шёл, шёл, ещё и ещё, всё утро, до самого четвёртого урока! Кешка чувствовал в себе эту тихую радость и как будто ждал чуда. А радость была в животе, в голове, в ногах и всё росла и росла, и когда он шёл домой – она уже не помещалась внутри, рвалась наружу! И так хотелось сделать чего-нибудь этакое! Ну, хотя бы через скамейку перепрыгнуть…

И тут он увидел трубу. То есть сначала увидел просто огромную яму вместо дороги – опять что-то ремонтировали. И через яму – она, труба. Утром он торопился и не обратил на неё внимания – просто обошёл яму по проложенным доскам. А сейчас заметил трубу – такую широкую, надёжную! То что нужно!

И Кешка, весело размахивая портфелем, прыгнул на трубу и пошёл вперёд. Широкая, как спина бегемота. Абсолютно надёжная, если бы только… Если бы только не первый снег – предательски подтаивающий первый снег!

Кешка так и не понял, как соскользнула нога, и на круглой, гладкой трубе было не за что зацепиться. Он рухнул вниз, в липкую глину. Почти не ушибся – да и было неглубоко. Тонкая корочка льда проломилась, и Кешка оказался в луже – полные ботинки хлюпающей жижи…

«Вот тебе и чудо! Получи, пожалуйста», – мрачно подумал Кешка. Понесла же его нелёгкая на эту трубу дурацкую! Тоже мне, канатоходец Тибул… Ладно, теперь надо как-то выбираться отсюда наверх. Хорошо ещё, никто не видел!

– Кеш, это ты? Ну ты даёшь!

Этого ещё не хватало! Наверху стояла Таня и смотрела на него хохочущими глазами.

– Очень смешно, да?

– Очень! – Таня засмеялась и протянула руку. – Давай, выбирайся скорее!

– Красиво я летел, да?

– Как в кино! Ладно, хватит дурака валять – руку давай!

– Не надо, испачкаешься, – смутился Кешка.

– Давай-давай, потом отмою. Ты зачем же сюда лез, канатоходец Тибул, а?

Кешка вздрогнул. Этого… Этого просто не могло быть! Вот тебе и Таня… Канатоходец Тибул. Раньше так угадывал только Тигр.

– Ну, вылезай скорее! Да у тебя же все ноги мокрые – как ты домой пойдёшь, заболеешь ведь!

– Н-не заболею, – сказал Кешка и почувствовал, как начинает стучать зубами.

– Вот что: пойдём ко мне! – вдруг решительно сказала Таня.

– К-как к тебе? Это в т-таком-то виде?..

– Пойдём скорее, я здесь живу, прямо в этом доме, – и Таня потащила его к своему подъезду. – Вот уже наше парадное!

Кешка с удивлением стал вспоминать, где он мог слышать такое – «парадное» вместо подъезда. Ведь никто так не говорит! Кажется, читал где-то… Или слышал от дедушки. Ну, конечно, от дедушки, Иннокентия Михалыча.

А подъезд и вправду оказался парадным. Дом – старый, с высоченными потолками. Просторная лестница с чугунными перилами, на окнах – витые решётки.

– Только знаешь, у меня папа строгий очень. Ты с ним поздоровайся обязательно, не забудь! – и Танин голос эхом прокатился по пролётам лестницы.

– Что ты, в самом деле… За дурачка меня какого-то принимаешь. Слушай, а может, не надо? Я почти согрелся уже!

– Это ты моего папу испугался, да? – и Таня, не дав ему опомниться, нажала кнопку звонка.

Дверь открылась. И Кешка действительно забыл поздороваться. Он вообще обо всём на свете забыл…

VI. Профессор

…Потому что на пороге перед ним стоял дедушка. Самый настоящий дедушка Иннокентий Михалыч. Живой и здоровый. Небольшого роста, в круглых очках. И взгляд, кажется, такой же. Только борода не седая, а чёрно-рыжая…

– Папа, это Кеша Марков, – сказала Таня и довольно ощутимо пихнула Кешку в бок.

– О! Кеша! – дедушка-недедушка покачал головой. – Я сражён и очарован вашим внешним видом, юноша! Как вам это удалось?!

А чумазый Кешка всё стоял, как истукан, и не мог вымолвить ни слова.

– Ну что ты, пап, честное слово, – заступилась за Кешку Таня, – вот, упал человек… Между прочим, папа, Кеша – друг Тиграна Каспаряна.

И она выразительно посмотрела на Кешку. Но он не заметил её взгляда. У него вдруг что-то тихонько зазвенело внутри от Таниных слов. Откуда она могла узнать, что он друг Тиграна? Получается, Тигр сам ей сказал, что они друзья?!

– Ну что же, проходи, друг Тиграна Каспаряна. А меня зовут Михаил Соломонович, – и Танин папа протянул ему руку. Такую как будто знакомую руку!

– Здравствуйте, – опомнился наконец Кешка и вытер свою грязную ладонь о штаны. И она от этого, кажется, стала ещё грязнее…

Михаил Соломонович ещё раз усмехнулся и покачал головой. Но руку Кешкину пожал.

– А вы… вы откуда Тигра знаете?

– Тигран – фигура заметная. Интересный молодой виолончелист.

«Ого! А Тигр-то, оказывается…» – подумал Кешка. И ещё подумал, что быть «молодым виолончелистом» гораздо приятнее, чем просто «молодым человеком».

– Давай-ка, герой, скорее в ванную – и сушиться. Танюша, чаю сообразишь сама, отогревай своего гостя. Только учтите: ко мне сейчас студент придёт, и чтобы я вас не видел и не слышал!

Кешка умылся и теперь растерянно стоял в коридоре. Он чувствовал себя нелепо, глупо. В своих чудесных штанах, с которых кусками начала отваливаться грязь, он просто не мог зайти в комнату!

А в Таниной комнате стояло пианино. Ну да, ведь она занимается музыкой… И вообще – в этом доме с парадным подъездом, таинственными лестницами и лепниной на потолке обязательно должно быть пианино. А Кешки в грязных штанах здесь быть не должно! Что же, ему так и стоять здесь, в прихожей?

Помощь неожиданно пришла от Михаила Соломоновича. Он протянул Кешке чистые джинсы, рубашку и даже носки.

– Держи, страдалец! Должно подойти. От Петьки моего осталось…

Кешка никогда в жизни не надевал чужих вещей. Разве что старую мамину куртку на даче, но чтобы рубашку… Он переоделся в ванной и с удивлением обнаружил, что ему даже приятно влезть в одежду неизвестного Петьки, наверное, Таниного брата. Вещи были основательно поношенные, но чистые, глаженые – видимо, давно уже лежали в каком-то шкафу.

Таня уже несла в комнату чайник. Из него уютно поднимался пар.

– А этот Петька – он твой брат? – спросил Кешка на всякий случай, просто чтобы не молчать.

– Нет, не брат. Это ученик папин такой… был… Он у нас жил, долго, лет пять, наверное…

– Как это – был? – испугался Кешка.

– Да он и сейчас есть, – успокоила его Таня. – Просто уехал. Уехал дальше учиться, в Америку.

«Далась им эта Америка», – подумал Кешка, вспомнив дедушку. И тут же представил, как они могли бы там встретиться – дедушка Иннокентий Михалыч и этот Петька… Интересно, а какой же это такой учитель – студенты к нему домой ходят, даже живут у него! Почему-то вспомнились восточные единоборства: ушу, каратэ, Учитель… Именно Учитель, с большой буквы!.. Только вот Михаил Соломонович меньше всего похож на каратиста…

Тут Кешка услышал звонок в дверь, и затем весёлый мужской голос: «Здравствуйте, профессор!»

Кешка удивился:

– Ого, профессор!

– Да нет, – засмеялась Таня, – просто это Сашка пришёл, он так всегда шутит.

Ничего себе – Сашка! По голосу – взрослый дядька. Значит, студент. Наверное, Михаил Соломоныч всё-таки в университете преподаёт. И Кешка не выдержал, спросил наконец у Тани:

– А твой папа – он учитель чего? Чему он учит?

Таня опять засмеялась:

– А это сейчас узнаешь!

Вот ещё загадки! Почему сразу нельзя сказать?

Всё это было таинственно и ни на что не похоже. Волшебный дом, Таня Соловьёва, пианино, Петька, который здесь жил непонятно почему… Таня взрослого человека называет «Сашка». И главное – этот удивительный Михаил Соломонович, профессор непонятно чего, который совсем-совсем почти дедушка Иннокентий Михалыч! И даже говорит так же! И почему Таня сразу не сказала…

Тут и раздался этот звук. Первый звук…

Кешка вздрогнул. Он пока ещё не понял, что это, но почему-то отчётливо вспомнил, с каким звоном лопнуло стекло тогда, в музыкальной школе.

Второй звук, третий… и четвёртый, последний…

Кешка замер и закрыл глаза.

Ему показалось, что вся его жизнь – с того самого разбитого окна до сегодняшнего дня, со всей его дурацкой войной против музыки и глупой обидой на Тигра, – вся его, Кешкина, жизнь с таким же звоном посыпалась, разлетелась на тысячи осколков… Вся его защита от музыки, которую он так старательно возводил, кирпичик к кирпичику, – вся она рухнула от одного прикосновения к струне…

А ведь это была ещё не музыка. Это просто настраивали скрипку.

Кешка даже не удивился. Всё правильно: дедушка – учитель скрипки…

– Кеш, ты чего, а, Кеша? – он на секунду опомнился и увидел Танины испуганные глаза. – Тебе что, плохо?

Кешка мотнул головой, мол, всё в порядке, – что-то в горле мешало говорить, голос не слушался.

– Ты садись лучше сюда, – и Таня заботливо усадила его на диван, – здесь лучше слышно. Я всё время здесь слушаю – вот так, сюда ухом!

Он послушно прислонился головой к стене.

– Грейся, – улыбнулась Таня, набросила на него зелёный плед и сунула в руки горячую чашку.

На чашке был рыцарь в доспехах, а в чае медленно кружилась долька лимона.

И тут началась музыка.

Это было даже нечестно: вот так, без предупреждения… Он был не готов – не успел выставить копьё, опустить забрало! Лишь успел удивиться, что никогда прежде не видел своего врага в лицо, вернее, никогда не слышал.

Ведь оказалось, что концерты по телевизору и неприветливые портреты композиторов в школьном кабинете музыки – это всё не то. Вернее, это вообще

ничего!

Выходит, он никогда раньше и не слышал музыки. Чтобы вот так, просто скрипка – и просто за стенкой. И чтобы просто дедушка…

Это потом он понял, что играл на скрипке совсем не Михаил Соломонович, а смешной его студент Сашка Волков. А тогда Кешка об этом не думал. Он вообще ни о чём не думал – как будто кто-то подошёл к нему, взял за руку и повёл за собой. И Кешка пошёл. Пошёл без оглядки, не думая – на край света, в огонь и воду! И идти ему было хорошо.

Кешка очнулся, когда за студентом Сашкой хлопнула дверь. Он увидел у себя в руках остывшую чашку. Таня сидела за столом, грызла ручку и, кажется, не обращала на него никакого внимания.

Кешка нарочно громко отхлебнул остывший чай. Таня подняла голову:

– Ну что, согрелся?

Кешка кивнул и сказал, разглядывая чашку:

– Тевтонский рыцарь восемнадцатого века…

– Ух ты, а я не знала никогда…

Кешка испугался, что Таня сейчас заговорит о музыке. Спросит что-нибудь вроде этого: «Ну что, понравилось?»

Но она не спросила.

Пора было собираться домой.

Пока Кешка в прихожей натягивал куртку, опять вышел Михаил Соломонович:

– А обувь твоя, брат, не высохла ещё. Могу только свои предложить – я тебе и носки шерстяные дам, доковыляешь как-нибудь, всё лучше, чем в мокрых!

Он протянул Кешке кроссовки размера этак сорок третьего. И Кешка поразился – как этот человек, скрипач, Учитель – может думать о каких-то Кешкиных мокрых ботинках!

Таня вышла его проводить на лестницу.

– Кеш… А это, значит, неправда? Мне Тигр говорил про тебя… Говорил – ты музыку не любишь…

– Это правда, – упрямо ответил Кешка.

И добавил не очень твёрдо:

– Музыку я не люблю.

И помчался вниз по лестнице, не дожидаясь лифта, чтобы не думать – зачем он так сказал?

На улице уже стемнело. Снег растаял. Кешка, загребая носками огромных кроссовок, шёл домой и думал – как бы ему хотелось вернуться в этот дом, подняться по этой лестнице! Увидеть этого человека. И услышать это…

Взвизгнули тормоза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/dashevskaya_nina/skripka-neizvestnogo-mastera

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить